

Инна Андреева

ПАСХАЛЬНЫЕ ЮДИ

РАССКАЗЫ О СВЯТЫХ ЖЕНАХ

Религия. Рассказы о духовной жизни

Инна Андреева

**Пасхальные люди.
Рассказы о святых женах**

«ЭКСМО»

2017

УДК 281.93
ББК 86.372

Андреева И.

Пасхальные люди. Рассказы о святых женах /
И. Андреева — «Эксмо», 2017 — (Религия. Рассказы о
духовной жизни)

ISBN 978-5-699-93530-7

Книга Инны Андреевой приглашает своих читателей и читательниц в непростой мир святости – мир христианского подвига, мир любви к Богу и жизни для Бога. Каждая из святых жен – героинь книги – нашла свой исключительный путь служения Богу. Праведная Иулиания Лазаревская, имея с детства склонность к молитвенному уединению, после многих колебаний приняла благочестивое супружество как волю Божию, а став многодетной матерью и вдовой, неустанно служила окружавшим ее бедным людям. Королева Клотильда твердостью своей веры привела к вере своего мужа, а через него и весь народ франков. Святая Пелагея Саровская спаслась юродством. А святая Феодора Карпатская стала отшельницей. Изюминкой книги стала повесть «Пасхальные люди», героиня которой неожиданно для себя знакомится с жизнью Марфо-Мариинской женской обители милосердия, ее основательницей – великой княгиней Елизаветой Федоровной и духовником отцом Митрофаном Сребрянским, будущим исповедником. Несмотря на то что героиня не становится ни монахиней, ни сестрой милосердия, воспоминания об этой обители и ее дух остаются с ней навсегда.

УДК 281.93

ББК 86.372

ISBN 978-5-699-93530-7

© Андреева И., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Ульяна. Повесть о святой Иулиании Лазаревской	6
Слепая страсть	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Инна Андреева

Пасхальные люди: рассказы о святых женах

Ульяна. Повесть о святой Иулиании Лазаревской

Я знаю, совсем недолго мне осталось проходить это земное поприще, мои дни на исходе.

Да, я умираю. Но мне не страшно, душа моя спокойна. Мое сердце бьется мерно и тихо. Я завершаю этот путь, чтобы начать Жизнь Вечную. Я иду Домой.

Настоящая жизнь быстротечна и настолько полна горестей и потерь, что порой смысл ее ускользает и теряется среди земной боли. Сейчас же, на пороге смерти, я оглядываюсь назад и, наконец, вижу весь узор своей жизни и воздаю хвалу Мудрости и Заботе Того, Кто однажды создал меня, призвал к Себе в рабы и дочери, определил мой путь и Кто сейчас меня забирает к Себе. Слава Тебе, Господи!

Самое первое, что я могу вспомнить из детства – это руки моей матери. Теплые, ласковые руки. Они нежно гладят мои волосы и легонько крестят макушку.

– Ульянушка моя! – слышу я голос матери, такой же теплый и ласковый, как ее руки. – Иулиания!

Руки отца иные. У него широкие ладони и крупные пальцы. Руки отца сильные и заботливые. Они поднимают меня высоко-высоко, так, что я достаю головою до неба. Я звонко смеюсь в вышине.

Сколько мне было лет тогда – два, три года?

Я росла счастливым радостным ребенком, окруженная любовью моих родителей, братьев, сестер и наших многочисленных слуг. Мой отец, Иустин Недюев, был ключником и служил при дворе благоверного царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича. Папа был необычайно верующим человеком, главной добродетелью которого, как я сейчас понимаю, являлось нищелюбие. Наш дом всегда был полон нищих и странников – отец их кормил и одевал, а если было нужно, устраивал на ночлег.

Мама моя, Стефанида, дочь Григория Лукина, отца во всем поддерживала. Нищих из дома она никогда не гнала, а нас, своих детей, приучала бедняков и обездоленных любить и жалеть.

Помню, я уже постарше была, годиков пяти, мать вечером после чая меня бывало позовет:

– Ульяна, пойдем, послушаем, как люди в мире живут.

Я, радостная, бегу к маме. Мы с ней спускаемся в людскую, а там странник – седовласый старик в холщовой рубаше, подкрепившись горячей похлебкой, рассказывает всем собравшимся про свои паломничества по святым монастырям земли русской.

Этот старец был в нашем доме постоянным и желанным гостем. Поживет он у нас несколько денечков, погреемся, сил наберется, а затем снова в путь отправится. А к нам через полгодика пожалует – поделиться историями.

Да, счастливо мы жили в доме родительском. Только не понимала я счастья своего, принимая его как должное. Пока в один день всего не лишилась.

Мы спускаемся в людскую, а там странник, подкрепившись горячей похлебкой, рассказывает про свои паломничества по святым монастырям земли русской

Тот день я помню смутно. Но эти неясные воспоминания, словно блики от огня, часто оживают и мучают меня. Я помню, что проснулась рано утром от крика маминой служанки. Такой крик я слышала впервые – это был крик-плач. Я села на свою кровать, боясь подняться. Затем, я помню, уже днем, нас, детей, повели в мамину опочивальню. Мама лежала на кровати совсем бледная, даже белая. В уголке перед иконой горела лампада и кто-то в черном читал вслух молитвы. В испуге мы застыли в дверях, не решаясь войти в комнату. «Прощайтесь с вашей матерью, – тихо сказал нам отец. – Ее ночью забрал к Себе Господь».

Я помню, мы по очереди подходили и целовали мамину руку. Она была очень холодной. Такой эту руку я никогда не знала. Я поцеловала ее и заплакала. Я тогда не могла понять, отчего мама лежит неподвижно и как ее забрал к Себе Господь. Пока одна из сестер не прошептала мне: «Она умерла, Ульяна. Мамы больше нет».

Это была моя первая встреча со смертью, моя первая потеря в череде жизненных потерь. Второй потерей был отец. Он ненадолго пережил свою дорогую супругу. И скоро все мы остались сиротами. Мне было тогда всего шесть лет.

Господи, Ты знаешь, как тяжело я переживала смерть моих родителей. Мир любви и заботы, который окружал меня с рождения, этот, казалось, незыблемый мир, в один миг разрушился, и я осталась совершенно одна. Сирота. Боль и страх объяли меня, и та беззаботная девочка исчезла навеки.

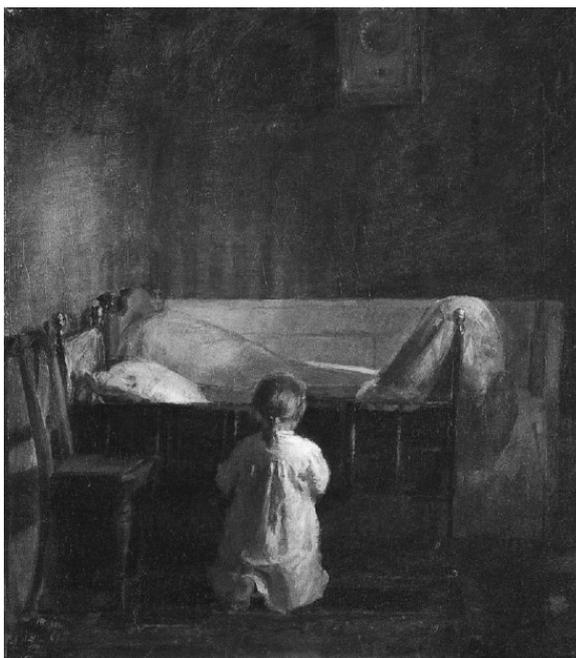
Горе сразу прибавило мне лет и мудрости. Сиротство же научило меня любить Тебя. «Аще и мать оставит тебя, Я не оставлю тебя...» – обещаешь Ты верным Своим. Ты пришел в мою жизнь и стал мне Отцом. А помогла мне найти Тебя и укрепиться в вере моя бабушка по материнской линии Анастасья.

Анастасия – значит восставшая, воскреснувшая. Бабушка моя была сильной женщиной особенно строгой веры. Такой ее сделала сама жизнь. Вдова любимого мужа и мать, похоронившая свою самую близкую дочь, Анастасья нашла утешение в храме, в посте, молитве и в делах милосердия. После смерти моего отца – мужа ее умершей дочери – она взяла меня, свою младшую внучку-сироту, к себе на воспитание.

С самого первого дня у бабушки я поняла, что слезы в ее доме – понятие запрещенное.

– Иулиания, – сказала она мне, найдя меня заплаканной в детской. – Настоящий христианин сохраняет мирное расположение духа во всех жизненных обстоятельствах. У тебя на персях висит крест. Гляди на него почаще. Господь взял все наши беды на себя, когда Его пригвоздили ко Кресту. И потому нам нельзя унывать, а надобно трудиться над своей душой. Хотя бы для того, чтобы твоим матери и отцу за тебя перед Богом стыдно не было.

Бабушка учила меня терпению скорбей, труду и молитве.

Утром я своими словами молилась у себя в спальне, а потом мы вместе с бабушкой читали молитвы в передней перед иконой Богородицы

Наш день был расписан по часам. Вставали мы рано – когда в гостиной часы отбивали шесть раз. По наказу бабушки я научилась одеваться без помощи прислуги и сама собирать волосы в аккуратную косу.

Бабушка научила меня молиться. «Читай *Отче наш* утром, и вечером, и в течение дня. Эта молитва главная. Знай, что Господь – наш Отец Небесный, а особенно Он печется о сиротах, у кого на земле родителей не осталось. Он и о тебе будет заботиться всю твою жизнь, если ты Ему будешь верна». Утром я своими словами молилась у себя в спальне, а

потом мы вместе с бабушкой читали молитвы в передней перед иконой Богородицы, которую особо чтит Анастасья.

После молитв мы немного трапезничали. Затем у меня были уроки – бабушка обучила меня грамоте, чтению, а также рукоделиям, приличествующим всякой женщине-христианке. К одиннадцати годам я сама пряла и шила себе платья, а также фартуки и одежду для кухарки и горничной. В дни воскресные и другие церковные праздники мы с бабушкой шли к обедне в один из муромских храмов. С собой у нас был специальный кошель с монетами для бедных. Раздавать милостыню было моим послушанием.

С бабушкой Анастасьей мы вместе прожили шесть лет. Она никогда не выражала своих чувств ко мне. Никогда не обнимала меня, никогда не говорила ласковых слов. Но все же я знала, что она меня любит. И хотя тогда я многое отдала бы за один ее поцелуй, сейчас я понимаю, что ее трезвенная любовь воспитывала меня лучше, чем если бы я была избалована вниманием и нежностями. Ибо, сама того не ведая, бабушка передала мне силу своего имени – восставать при любых невзгодах, полагаясь на помощь Божию.

С годами я вижу, что стала во многом походить на Анастасью, и за то я благодарю Тебя, Господи.

Когда мне было двенадцать лет, Анастасья отошла в жизнь иную. В свои последние земные дни, как и я теперь, она чувствовала, что умирает. Она позвала к себе свою среднюю дочь, Наталью, и заповедовала ей заботиться обо мне и воспитывать меня в добре и во всяком благочестивом наказании. При последних ее словах тетя Наталья взглянула на меня внимательно, словно испытывала мою душу. Я не отвела взгляда.

Бабушка умерла во сне, тихо и спокойно. В это время я сидела у ее кровати и вышивала погребальный покров по просьбе самой Анастасьи. Помню, я как раз вышила слово «упокой», как бабушка вздохнула полной грудью и притихла насовсем.

Ее смерть не испугала меня. Возможно, я была уже взрослой девицей и научилась справляться со своими переживаниями и страхами. Но мне думается, дело не только в этом. Просто тогда за душой бабушки прилетел Ангел, осеняя наш дом спокойствием вечности.

Когда, Господи, я впервые почувствовала Тебя? Когда мой отец держал меня в своих крепких руках или когда бабушка учила меня молитвам? А может, это случилось, когда я целовала мамину руку на смертном одре или провожала в последний путь Анастасью? Я знаю, что во время всех этих событий Ты был со мною, Ты был рядом и Ты утешал меня. Но когда же я поняла, что это Ты? Когда сама заговорила с Тобою? Мне кажется, это произошло в доме у тетки.

Наталья была одной из сестер моей матери. Она, сама женщина своенравная, рано вышла замуж за человека простого и мягкого – за Путилу Арапова, и в то время, как я, двенадцати лет, переехала в ее загородное имение, у них с мужем уже было восемь девиц дочерей и один сын.

Конечно, я была обузой для тети: еще одну девочку надо воспитать и выдать замуж, к тому же собрать ей, сироте, приданое. Если бы я еще была красавицей, то можно было бы надеяться на славную партию для меня. Но я росла дурнушкой – худой как жердь, с рыжими волосами, собранными неизменно в тугую косу, да с серьезным не по годам лицом. Такая могла и в старых девках остаться, опасалась моя тетя.

И ее страхи были обоснованны. В доме у тети я все больше становилась нелюдимкой. Рано потеряв родителей и привыкнув к замкнутой жизни у бабушки Анастасьи, в шумном доме Араповых я чувствовала себя как раненый зверь в ловушке. Я не привыкла ни к праздничным торжествам, ни к пышным нарядам, ни к пустым разговорам. От всего этого у меня болела голова, хотелось спрятаться, и потому я часто уединялась в своей комнате за привычным рукоделием, предпочитая играм с другими детьми тишину своей комнаты.

Я продолжала молиться, как учила меня бабушка. Молитва была моей тайной, моим разговором с самой собой и с Тем единственным, Которому я доверяла. Правда, в храм я уже не могла ходить по воскресным дням. В селении, где мы жили, ближайшая церковь была за два поприща. Но в церковные дни я вставала раньше всех и шла в поле, где долго бродила в одиночестве, пока не приходила пора трапезничать. Изысканный теткин стол, полный различных яств, меня совсем не привлекал. Как прежде у бабушки, я выбирала пищу самую простую – картошку, овощи, хлеб – и вкушала их в свою меру, для поддержания сил. Такое мое поведение очень огорчало тетку, и не раз она оставляла меня за столом после трапезы, строго отчитывая: «Ульяна, зачем ты мучаешь себя нелепыми ограничениями? Ты же губишь свою молодость, свою красоту девическую!» Я спокойно выслушивала ее, благодарно кивала, понимая, что она, как может, заботится обо мне. Но послушаться ее я не могла: ведь тетя просто не понимала, что пост для меня был не мучением, а радостью. Что тело, не отягощенное пищей, даровало легкость и душе моей... И я продолжала питаться, как питалась. А когда наступил Великий пост, еще более усугубила свои труды.

Тогда-то, в одну из ночей Великого поста, мне и приснился этот сон.

Я увидела себя на огромной полянке, залитой светом. Всюду играли другие девочки в красивых платьях. Мне хотелось подойти к ним и присоединиться к их играм, но я не решалась и просто стояла и наблюдала за ними. Как вдруг раздался чудный звон – будто сотни маленьких колокольчиков разом зазвенели в унисон. Девочки притихли. На поляне появилась необыкновенная Женщина с сияющим лицом в длинном одеянии. Все склонили перед ней свои головы. Женщина подошла ко мне и ласково улыбнулась.

– Хочешь быть среди моих учениц? – спросила Она меня.

Я кивнула. Она долго и внимательно смотрела на меня, а затем протянула цветок – то был нераскрывшийся бутон белой лилии. И я проснулась.

Этот сон я до сих пор помню во всех подробностях. Я помню радость, исходящую от лиц девочек, помню мягкий звон колокольчиков, помню тонкий аромат лилии, только не могу вспомнить лица той женщины, будто ее свет застилает мне очи... Мне часто хотелось, чтобы сей сон снова мне приснился, но он никогда больше не повторялся. Да и был ли это сон? Или то была Сама Матерь Божия, зовущая меня, сироту, в свои обители?

Так или иначе, я очень изменилась с той ночи. Я стала еще более замкнутой для всех людей, но открытой для Тебя, Господи. Моя молитва вдруг ожила и запела своими словами. Вся накопившаяся боль вылилась в молитвенных слезах и успокоила душу. Я находила в Тебе невыразимую радость. И мне хотелось посвятить Тебе всю мою жизнь. Я стала думать о монашестве.

О своих тайных устремлениях я никому не говорила, кроме как Самому Господу и Пречистой Деве перед бабушкиной чудотворной иконой, что досталась мне по наследству. Я вообще очень мало разговаривала с людьми.

Все свое время я занимала молитвой и трудом. Я пряла и сидела за пяльцами, обшивая вдов и сирот нашего селения. Такой труд мне был приятен, ибо я знала, как тяжело остаться одной, когда близкие умирают. Я перешивала свои платья и юбки и раздавала их бедным девочкам, девицам и женам. Работа так увлекала меня, что часто я просиживала всю ночь, не гася своего светильника, стараясь поспеть с новым платьем к утру. И какое счастье было видеть блеск в глазах одаренных! Они искренне благодарили меня, я выслушивала их молча. Эти простые девушки и женщины не ведали, что они даруют мне нечто гораздо ценнее, чем был мой дар им, они даровали мне наполненность жизни и радость от труда. А еще – чувство нужности. Я знала теперь, что я нужна, что я могу делать что-то для других и для Бога, и это чувство окрыляло меня.

«Если чувствуешь, что летишь, не забудь о том, что падать больно!» – говорила мне бабушка, как только замечала признаки обьяввшей меня радости. «Самое верное расположе-

ние духа – это спокойствие. Его сохраняй всегда, рада ты или опечалена». Эти слова я вспоминала не раз, когда вскоре настало время моего испытания.

Меня невзлюбили мои двоюродные сестры – дочери тети Наталии. Им не нравилось во мне все: мое воспитание, тихий нрав, мое постничество, моя дружба с бедными вдовами и сиротами, даже моя жалкая внешность – все внушало им презрение и вызывало их смех.

«Ульянка – богомолка! Серая мышь!» – дразнили они меня. И дергали за длинную косу или нарочно опрокидывали на меня за столом похлебку. Я молчала, будто не замечая их злости. Я улыбалась им, изображая простодушие. Я никогда на них не жаловалась тете. Но все это еще больше раззадоривало девушек. День за днем они придумывали новые пакости, чтобы унижить меня.

Когда в одно утро я нашла сломанными свои пальцы, я сразу поняла, чьих это рук дело. Но и тогда я не сказала им ни слова. Я отнесла пальцы столяру, дочери которого я помогала в селении, и он быстро их поправил, так что они даже стали удобнее в работе.

И столяру я не сказала тогда ничего о сестрах. Но я сказала Богу. Я стала молиться. День и ночь. Молиться об этих девушках, чтобы Господь посетил их Своим присутствием и чтобы они познали истинную радость, а не придумывали себе радость греховную. Мне казалось, что я молюсь искренне, что я совсем не обижаюсь на сестер, а жалею их, ибо они не видели света и мучились в своей тьме. Но совесть укоряла меня, что в моей молитве есть гордость, что я чураюсь этих девушек, не разговаривая с ними, и сама навлекая на себя их смех: так они обороняются от того, что я ставлю себя выше их. И я спрашивала Тебя, Господи, что же лучше: быть гордой в глазах других или лгать самой себе? Лгать я не умела, потому продолжала молчать и молиться.

Скоро я сестрам наскучила. Но тут случилось новое испытание, пройти которое мне не удалось. За меня посватался Георгий Осоргин.

Господи, Ты знаешь, я не думала выходить замуж. Все мои мысли, все устремления в то время были направлены только к Тебе. Я желала жизни монашеской, жизни святой, такой, о которой рассказывал старик-странник в моем далеком детстве. Я готовила себя к этой жизни. Мне как раз исполнилось шестнадцать лет, когда тетя, с покрасневшимся лицом, позвала меня к себе для разговора.

– Ульяна, ты уже вошла в возраст невесты... – начала она.

Я закрыла глаза и закивала головой в согласии, ибо слышала подобные речи уже не раз, и мне хотелось, чтобы и эта беседа побыстрее завершилась.

Но тетя продолжила:

– На днях к тебе посватался молодой человек из рода Осоргиных. Молодой Георгий Осоргин.

Мне было больно слышать эти слова. Еще больнее узнать имя избравшего меня юноши. Георгий Осоргин. Господи, отчего именно он?

Я знала Георгия. Я встречала его несколько раз, когда он приезжал к мужу тетки, моему дяде, по каким-то делам. И теперь тоска охватила меня. Я могла отказать кому угодно, но только не ему. Георгий был единственным сыном знатного отца, владеющего изобильным имением в окрестностях Муром. Но именитое сыновство не наложило на юношу печати высокомерия и силы. Напротив, это был человек молчаливый и скромный. А его добрый взгляд выдавал в нем тонкую ранимую душу. Я не могла, помня эти глаза, ответить «нет». Впрочем, ответа от меня и не требовалось – все уже было решено за меня моею теткой.

Наше обручение ждали на святки, когда молодой Осоргин должен был пожаловать в имение Араповых. А венчание отложили до конца Светлой седмицы.

Весь Рождественский пост я провела в слезах и молитвах. Неужели я, которая мечтала о жизни чистой и целомудренной, стану женою? Стану матерью детей, хозяйкой дома? Или на то есть Твоя Воля? Отчего, отчего я не могу быть сильной, отчего не убегу из дома, пока есть

время, отчего не откажу ему? А может, в глубине своей души я ищу именно тепла семейного и сейчас не могу отказать не Георгию, а самой себе? Или мне хочется побыстрее убежать из дома тети? Неужели я предам Тебя, Господи?

Все эти вопросы терзали меня. Я задавала их вновь и вновь и не находила ответа.

Я вспоминала свой отроческий сон и молилась у иконы Матери Божией о том, чтобы Она услышала меня и помогла понять, как мне поступить. Я молилась о заступлении, о том, чтобы чаша замужества миновала меня. О том, чтобы Она забрала меня к девам своим, о том, чтобы вершилась не моя воля, а Воля ее Сына...

Но время шло, приближался день приезда Осоргина, а душа моя так и находилась в смятении. Мне не у кого было просить совета, некому открыть свое сердце, и потому я вновь и вновь закрывалась в своей комнате и молилась, все яснее осознавая неизбежность моей судьбы. Тогда я еще не понимала, что Господь не вершит жизней за нас, но принимает наш свободный выбор. И мне предстояло этот выбор сделать самой.

Он приехал после Рождества. Серьезный и строгий. Наталья хлопотала вокруг нас, мы же оба молчали в смущении. В какой-то момент заботливая тетя вышла, и мы остались одни.

Тишина повисла в гостиной. Георгий подошел ко мне.

– Иулиания, – сказал он тихо. – Я вижу, как тебе трудно. Ты боишься меня... Не стоит! Я прошу твоей руки, потому что ищу верную помощницу и вижу в тебе близкого по духу друга. Но мне не нужна жертва твоя, ибо она сделает нас только несчастными. Мне важен и твой искренний ответ: согласна ли ты быть моей супругой, навсегда связать со мною свою жизнь? Разделить со мной все беды и невзгоды земного поприща? И никогда не пожалеть об этом? Ты согласна?

Я молчала. Я вдруг ясно почувствовала, что мы не одни в гостиной. Что рядом – Бог. И Он тоже ждет моего ответа. Я должна была, наконец, сделать свой выбор и взять свой крест. Но какой выбор верный, Боже?

Георгий не торопил меня. Он даже не смотрел в мою сторону. Он глядел в окно – бледный, грустный, усталый. А я смотрела на него и видела его одиночество, ведь, как и у меня, у него не было друга, не было той души, которая всегда готова была выслушать и помочь, поддержать, направить. Именно тогда первое, еще не осознанное мною чувство нежности зародилось во мне.

«*Не хорошо быть человеку одному...*» – вспомнила я слова из Библии¹, и больше не сомневалась в своем решении. «Прости меня, Господи. Я знаю, я была бы очень счастлива, служа Тебе в монастыре, но этому человеку нужен друг. И он выбрал меня. А значит, я стану ему другом. Я стану его женою. Я возьму на себя этот крест. Возьму добровольно. Ведь нет более того, как за други своя отдать самое себя. Благослови же нас, Господи, на этом пути!»

– Я согласна, – промолвила я и почувствовала, как необыкновенный покой воцарился в моем сердце. Да будет так!

Теперь, когда я прожила эту жизнь до конца, я до сих пор не ведаю, Господи, было ли то решением верным. Но я твердо знаю, что даже наши ошибки Ты преобразуешь во благо, если мы остаемся преданными Тебе. Супружество стало для меня школой, оно стало моим зеркалом. В отношениях с супругом, с его родителями, а затем и с нашими детьми я узнавала свои немощи и несовершенства, а также открывала себя такую, какую Ты меня задумал, когда следовала Твоим заповедям и смиряла себя. Семья также учила меня внимательности к людям и отзывчивости. Являясь сама женою и матерью, я стала лучше понимать других девушек и жен, я стала сочувствовать не только их бедам, но и радостям, и переживаниям. Я научалась видеть женские сердца, а значит, и помогать им во Имя Твое.

¹ См. Быт. 2:18.

Наше венчание состоялось в имении Георгия – в церкви святого праведного Лазаря Четверодневного, друга Божия. Венчал нас отец Потапий – священник благочестивый и верный Господу. Он стал моим наставником и научил меня многому о жизни души, пока его не перевели в Муром, где отец Потапий принял постриг с именем Пимен и стал архимандритом Спасо-Преображенского монастыря.

С каждой молитвой таинства Венчания я чувствовала, как решается моя судьба, что отныне буду уже не я, Ульяна, дочь Иустина Недюева, а Иулиания – супруга Георгия Осоргина. И я молилась Матери Божией, чтобы Она не оставляла меня своим заступничеством на пути жены и матери. И помогла мне стать верной помощницей моему мужу. После совершения таинства отец Потапий поучал нас по слову апостольскому и изречениям святых отцов о жизни супружеской, о святости брака и непорочности благословенного ложа, о верности и семейном целомудрии, о послушании жены мужу и о заботе мужа о жене. Он говорил нам, что отныне мы вместе встали на путь, который должен привести нас ко Христу и потому должны помогать друг другу на этом пути, всегда памятуя, что конечная цель нашей жизни – не земные блага и наслаждения, а радость в вечных обителях, уготованных Богом верным Ему.

Все слова батюшки я сохранила в сердце своем, как в благодатной почве, которая со временем должна была принести плод, если только я не оставлю своих душевных трудов, окунувшись в суету семейной жизни.

Родители моего мужа приняли меня в свой дом с любовью. Свекор Василий Осоргин оказался человеком доброго нрава, а свекровь Евдокия – женщиной разумной и кроткой. Они были уже в годах и видели в своей невестке прежде всего помощницу, и потому мне сразу захотелось именно таковою для них и стать. Вскоре все хозяйство легло на мои плечи.

Вечерами, когда мне выдавалась свободная минутка, я прядла и шила

Я стала жить, как жила когда-то у бабушки Анастасьи – вставать с рассветом и ложиться только тогда, когда в доме затихнут последние звуки. Я полюбила раннее утро, потому как это было мое единственное время, которое я проводила в одиночестве. Утро я посвящала молитве, я разговаривала с Тобой. И Ты не оставлял меня, давая силы на день грядущий. А сил требовалось много. Имение Осоргиных было огромно: были у нас и свои поля, и леса, и озера. Было множество прислуги и другого честного люда в доме. И за всем имением я должна была зорко следить, имуществом мудро распоряжаться, а слугам давать своевременные указания. По своему устройению сама скорее послушница, я вдруг стала управляющей другими людьми! И это давалось мне с трудом. Своих девушек я жалела, и порой, видя недостаток в работе той или иной из них, я сама тихонько доделывала за ними. Бывало, за этим занятием меня заставляли моя свекровь или супруг.

«Ульяна! – слышала я гневные речи. – Что это? Не подобает госпоже самой прислуживать. Совсем так людей распустишь. А людей надобно в строгости держать!»

Я улыбалась и покорно кивала моим родным. Но строгой быть не могла. Ведь я видела, как трудятся не покладая рук наши слуги, как устают они, и нет у них ни отдушины какой, ни радости в жизни. А ведь все мы человецы – Творения Божии.

Жалела я людей. Жалела. За что частенько мне самой и доставалось даже от самих слуг, которые, я знаю, шутили обо мне, называя между собой слугой-хозяйкой. Но я не обижалась этому прозвищу, ведь по сути я таковою и была...

Вечерами, когда мне выдавалась свободная минутка, я пряла и шила. Шила и пряла. Столько вдов было в наших селениях, сколько сирот, сколько бедных, обездоленных, кому нужна была одежда! Конечно, пряжа моя была самой простой (слава Богу, грубой овечьей шерсти у нас в имении хватало), но мне удавалось сплести из нее тонкие нити, и ткань получалась мягкая, а одежда очень удобной. И я радовалась своим трудам более, чем радовались женщины, которым я передавала сшитые вещи через свою преданную служанку, которая по моему наказу держала сие делание втайне от домашних. О моем рукоделии во всем доме знал только мой супруг – от него у меня не было секретов.

Супружеская жизнь наша тихо протекала под покровом Пресвятой Богородицы. Быть женою Георгия оказалось и просто, и сложно одновременно. Он был очень заботливым и бережным со мною. Он был внимательным и мудрым. Он был любящим. Но он служил при дворе и часто уезжал из имения по царским делам. И случалось, задерживался на год, а то и на два. Я знала, что такова доля любой женщины нашего сословия, и никогда не укоряла его и не сетовала на свою судьбу. И только Господь ведает, как трудно я переносила разлуку с супругом. К своему мужу я быстро привязалась сердцем, познавая истинность слов Писания, обращенных к первой жене – Еве: *«И к мужу твоему влечение твое...»*². На доброго мужа жена взирает с уважением и со страхом, как на своего пастыря, на свою главу. Когда Георгий был дома, я во всем его слушалась и во всем благом поддерживала. Я научилась ему доверять и самой быть достойной его доверия. В своем муже я открывала друга, брата и отца. С ним я узнавала и себя как жену, мать, как верную подругу. Его любовь даровала мне силы и меняла меня. И хотя я как прежде была немногословной с другими людьми, я перестала прятаться от них, пугаясь их бытия. Наоборот, теперь я смотрела на их жизнь с сочувствием и часто жалела людей, разделяя их радости и беды. Но свои радости и свои несчастья я делила только с Богом и с Георгием. Когда же муж мой уезжал на царскую службу, я вновь оставалась одна. Тогда я заполняла все свои дни и ночи молитвой и рукоделием. Но все же я очень скучала по Георгию, особенно в первые годы супружества, когда Господь еще не даровал нам детишек.

Я знала, что коли я не пошла монашеским путем, став супругой, моим подвигом в миру должно было стать рождение и воспитание детей для Господа, ибо, по слову апостола, «жена

² См. Быт. 3:16.

спасается чадородием». И потому от самого первого дня нашего с Георгием супружества я просила Бога более всего о даровании первенца. Но проходил месяц за месяцем, а моя утроба оставалась неплодной. И хотя ни Георгий, ни домашние не укоряли меня, чувство вины вкралось в мою душу. Я усугубила молитву. Теперь я вставала среди ночи, когда супруг мой крепко спал. Я вставала и шла в крошечную горницу, которую называла молельной, и там пред бабушкиной иконой Матери Божией, а также пред образами Спаса Нерукотворного, которым нас венчали, и святителя Николая – чтимой иконы семьи Осоргиных, я слезно выпрашивала у Господа долгожданное чадо. А в конце молитв я взяла за правило класть сотню земных поклонов.

Через сорок дней я почувствовала в себе живую душу, но молитв не оставляла и никому не говорила о моем положении, пока живот мой не округлился, повествуя лучше слов окружающим о находящемся под моим сердцем младенце.

Как описать радость состояния будущей матери? Это поистине дар свыше. Ношение во чреве младенца – время особое, благословенное, когда ангел Божий ограждает своим заступничеством жену от брани плотской и духовной, чтобы все силы ее души были направлены на сохранение и взращивание в себе новой жизни, которую вложил в нее Господь. Для меня сие женское бремя было счастьем, оно учило меня непрестанной молитве и предстоянию пред Богом. Будущая мать как никто понимает, что и ее жизнь, и жизнь ее чада в руках Божиих. И потому молитва матери – это ее дыхание.

Каждого своего будущего младенца я вынашивала по-разному. И с каждым чувствовала его особенную неповторимую душу, ведь уже в утробе младенец имеет свой характер. Я разговаривала с моими будущими детьми, я пела им песни, я читала над нами молитвы и не уставала осенять свое чрево крестным знаменем. Я старалась часто бывать в храме святого Лазаря, исповедовать свою душу и причащаться Святых Даров. Как могла, я говела, зная, что умеренный пост полезен не только матери, но и самому младенцу. Я раздавала милостыню, вышивала для храма пелены и продолжала обшивать женщин нашего селения. Некоторую часть из своего рукоделия я отправляла в город, а вырученные средства жертвовала на храм. Я жила, как и прежде, но все же я была уже иной – теперь я никогда не была одна, со мной всегда было во чреве мое чадо. И скоро мы должны были встретиться.

Родовой боли я не боялась. Я помнила, что она дана нам для очищения, и потому всегда перед родами молилась не только о благополучном разрешении, но и прощении грехов моих, явных и потаенных. А еще я знала, что Сама Богородица помогает труждающейся жене, ведь Она тоже – Мать. И потому страха у меня не было, а была молитва и ожидание встречи со своим чадом.

Господь посылал мне больше сыновей. И в этом тоже была Его особая Мудрость. Мать привязывается к дочкам, как к отражению самой себя, и часто жалеет дочерей, ибо они также разделят нелегкую женскую долю. Сыновья же для матери прежде всего – опора. Они – ее крылья.

Я знала, что Сама Богородица помогает труждающейся жене, ведь Она тоже – Мать

Рождение детей меняло мою жизнь и самую меня, но счастье материнское не закрывало мои глаза на людское горе. На Руси настали страшные времена – ее настиг великий голод. Нам самим беда не грозила – амбары Осоргиных были полны зерна и овощей. Но простые люди на Руси голодали. Голодали и женщины, и дети. Я знала об этом, ибо видела наших слуг и слышала, как они между собой говорят о голодных смертях своих знакомых и близких. Я слышала страшные вести и от мужа, который, объезжая наши имения, мог лицезреть ужас голода, воцарившегося среди крестьян и бедняков. Мне самой кусок не лез в горло от этих рассказов. Как я могла сидеть за полным столом, зная, что рядом в селении умирают от голода люди? Дети умирают! И потому втайне от домашних я стала раздавать беднякам хлеб, я урезала свою трапезу, чтобы хоть кого-нибудь еще накормить, я собирала остатки со стола моего супруга и детей и делилась этим с нищими. Но разве сих малых крох достаточно? Так я впервые решилась на хитрость.

Я никогда в жизни не лгала – ложь в доме моих родителей и у бабушки Анастасьи считалась недостойной уст не только христианина, но просто человека. Лгать – значит унижать самого себя, это я усвоила твердо. И потому как бы тяжело в жизни ни было, я никогда не позволяла себе слукавить и сказать неправду. Лучше промолчать, считала я.

Но сейчас, Господи, я лгала. Я лгала своей свекрови, прося у нее давать больше продуктов к моему столу. Я лгала, а она радовалась. «Ну вот, Ульяна, ты образумилась, невестка моя! Стала питаться, как и подобает женщине, а не монашке. Раньше я все дивилась тебе: при изобилии на столе ты ела как птичка, и то раз в день! А сейчас, видимо, оскудение в мире утратило тебя, и ты сама оголодалась...» И тут снова я лгала. И хитрость моя была еще несноснее, ибо она основывалась на святом святых – на моем материнстве. Я говорила Евдокии, что пока не родились мои дети, мне особо не хотелось есть, а как стала рожать, так обессилела и теперь вот не могу насытиться, что будто постоянно мне кушать хочется и днем и ночью... Так лгала я, честно глядя в глаза моей свекрови, и даже румянец от стыда не залил моих щек. И свекровь мне поверила и стала мне давать продуктов, сколько я желала. А я брала и все отсылала нищим, сиротам, вдовам да обездоленным.

Но сколько человек могла я накормить даже такой хитростью? Лишь малость. А голод между людьми все возрастал. Слухи о смертях в нашем селе все чаще доходили до меня. Эти слухи терзали все мое существо. Ведь я знала, что часто смерть приходит не одна, унося с собою все новые и новые жертвы. И горю людскому не стало предела в нашем имении. Тогда я стала сама ходить в село.

Зачем, услышав вновь об очередной смерти, я спешила в дом, где случилось несчастье? Что я могла сделать, как помочь? Как я могла утешить жену, что потеряла кормильца и любимого мужа, что могла сказать матери, которая хоронит свое дитя, могла ли я объяснить ребенку, что теперь он сирота? Любые слова перед лицом смерти сами обращаются в прах. И потому я молчала. Я приносила с собой погребальные пелены, я помогала омыwać тела, я читала молитвы об упокоении душ усопших. Но я ничего не могла сделать для этих людей. Один Господь мог их утешить или хотя бы дать сил пережить горе. Как когда-то Он даровал эти силы мне.

Чужое горе влекло меня к себе. После посещения домов умерших я заходила к больным. К вдовам, к сиротам. Я нянчилась с чужими детьми, забывая про своих и оправдывая себя только тем, что мои дети в тепле и сытости, а эти дети пухнут от голода. Я ухаживала за больными, которых все сторонились, ибо болезнь их была заразна. Я омывала их раны и приносила им чистую одежду, и я не боялась принести заразу в свой дом. Но все это я делала не только для них. Я делала это для себя.

Я уходила из уютного дома с моими домочадцами в эти ветхие домишки с полуживыми людьми, чтобы вновь и вновь встретиться с Тобой. Чтобы вспомнить всю глубину нашего бытия, чтобы вновь понять его смысл, который стал ускользать от меня, поглощенной своим семейным счастьем. Здесь, среди больных и увечных, я смотрела в глаза смерти, и видела жизнь, и торжествовала, ибо Ты победил Собою смертельное жало.

Но одно дело помогать в несчастье другим, другое – переживать его самой. Скоро смерть пришла и в наш дом. И поселилась в нем надолго.

Сначала ушли родители моего мужа, Евдокия и Василий. Пред смертью они оба сподобились монашеского чина. Упокой, Господи, их праведные души. Они ушли тихо, один за другим, и мы провожали их с миром. Их отпевали в Лазаревской церкви, устроив поминальную трапезу для священника и всех пришедших. Георгия моего тогда дома не было. И когда он вернулся, как всегда сдержанный и сильный, то не выдавал своей скорби о потере отца и матери. Только я заметила, что борода его стала совсем седой. Теперь у моего мужа была лишь я да наши дети.

Господь даровал нам тринадцать детей – десять сыновей и три дочери. Но шестерых из них Он же и забрал во младенчестве. Смерть дитяти – для матери всегда боль незаживающая. Вместе с младенцем хоронит она и часть себя. И как ни успокаивал меня супруг словами: «Бог дал, Бог и взял», как ни увещевал батюшка: *«Причтени суть со Иовлевыми сыны и со избиенными младенцы, и со ангелы Бога славят, и о родителях Бога молят...»*³, новая смерть дитяти уносила с собой и мою жизнь: я все более задумывалась о том, что ждет душу при переходе в мир иной, я размышляла о Страшном Суде, и мир этот и сама земная жизнь становились мне все менее интересны. Но самое страшное горе было впереди, ибо нет ничего страшнее, как похоронить свое уже взрослое чадо.

Я всегда буду молиться о том человеке, кто убил моего старшего сына, он был нашим слугой. Я не виню его. И даже когда я нашла моего мальчика в луже крови, я не желала мести. Единственное, что тревожило меня, когда смотрела в лицо его убийце, это то, что я никак не могла понять, как человек может поднять руку на другого человека. Но я не корила его. Я

³ Книга, глаголемая «Златоусть». Слово 3. Въ субботу мясопустную, слово Иоанна Златоустаго, еже не плакаться по умершихъ.

смотрела в его глаза и молчала. Он просил пощады и прощения, объятый страхом наказания. Я не слышала его слов. Но мне было его жаль. Как можно дальше жить с таким грехом на душе? И я стала за него молиться и до сих пор молюсь. Что с ним стало?

А мальчика моего мы похоронили возле церкви. Он был моим первенцем. Его я первого родила в жизнь земную, его первого и проводила в жизнь вечную. Когда же Господь заберет меня саму? – кричало от боли сердце. Сама же я почти перестала говорить.

А затем пришла весть о смерти моего второго сына. Его тело привезли в деревянном гробу. Говорили, что он умер героем на службе, но он умер! А что значит для матери героизм убитого сына?! Он лег рядом со своим братом. Мои два срезанных крыла.

Господи, Ты знаешь, боль пронзила все мое существо, но я не укоряла Тебя, не кляла и не жаловалась на свою судьбу. Я смолкла и перестала с Тобою говорить. Душа моя была нездорова. Все мои чувства, все мысли, все вдруг перестало существовать, оставляя во мне лишь тишину и боль. Я вспоминала о своем девичьем желании уйти в монастырь и впервые за все эти годы глубоко сожалела, что не пошла по тому пути. Монашеские скорби казались мне ничтожными по сравнению с той раной, которая образовалась в моей душе после смерти сыновей. Я завидовала бездетным матерям и монахиням, не знавшим подобной боли. И вновь желание покинуть этот мир разгорелось в моем сердце. И я не гнала его. Несчастье часто делает людей слепыми и черствыми по отношению к другим – в своем горе я забыла о своих живых детях, в своих муках я не замечала страданий мужа. Мне хотелось одного – уйти из мира, полного скорбей, спрятаться в мире молитвы. Но отпустить меня в монастырь мог только Георгий.

Я пришла к мужу, он что-то писал при свете лучины. Сутулый и постаревший. Мне стало жаль его, жаль этого родного мне и любимого человека. Но сердце мое было высушено от обильных слез, и я прогнала от себя жалостливость.

– Отпусти меня, Георгий, – сказала я. – Я уйду в монастырь.

Он повернулся ко мне. Его глаза были ясны и пронзительны.

– Иулиания... – начал он. – Я не могу тебя держать. Ты вправе идти, куда велит твое сердце... Но... – Он встал и подошел ко мне. – Ты видишь, я уже в годах, а дети наши еще малы. Им нужна мать, им нужна любовь твоя. Черные ризы не спасут нас, если мы будем жить не по-монашески, и белые не пагуба, если творим дела, угодные Богу. А если мы не терпим скорбей, если уходим в монастырь, чтобы не заботиться более о чадах своих, то мы уже не трудиться хотим, не любви Божией ищем, а себе покоя желаем...

Так сказал мне мой супруг, видя всю мою душу и обнажая ее болезнь.

И смирилось сердце мое. Я поняла, что нет воли Божией мне быть монахиней, а крест мой – крест материнский.

Я упала перед Георгием на колени в плаче и просила у него прощения за свою немощь. Он же меня поднял, и мы долго разговаривали, став еще ближе друг другу. А под конец беседы решили жить далее как брат с сестрою.

Да, Господи, Георгий был человеком редкой души и большой мудрости. В наши последние годы вместе я узнавала в нем и духовные стороны. Он никогда не говорил со мной о Боге, но своим примером он учил меня более слов терпению, смирению, упованию на помощь Божию и преданности Его воле.

Я всегда поддерживала свою веру внешними подвигами – постом, поклонами, долгими молитвами. В нем же вера была незыблема как камень, и ее он возвращал деланием внутренним. Всегда и во всем он руководствовался не своими желаниями, а нашим благом. Храм он посещал не так часто, как это старалась делать я. Но на службах он действительно предстоял пред Богом. А я смотрела на него в благоговении, ибо чувствовала в нем силу духа.

Его душа, постоянно занятая работой, созревала для вечности. Потому Господь и забрал Георгия раньше, чем меня. Это произошло десять лет спустя после гибели наших сыновей.

Я приняла смерть мужа спокойно, хотя и не была к ней готова. Я провожала его, надеясь на скорую встречу. И радовалась за него, наконец-то освободившегося от земных уз.

Прошло еще десять лет. Наши дети выросли. Большинство уже имели свои семьи. И потому я теперь могла посвятить себя молитве. Я больше не помышляла о монастыре – этот путь я считала для себя закрытым. Но я молилась дома. Молилась постоянно. Я дала себе зарок поститься по пятницам, не вкушая в этот день ни крохи, за то, чтобы Господь принял в Свои обители моих усопших чад и супруга. Это было мне совсем несложно, ибо плоть моя высохла и не требовала более разнообразной пищи для поддержания сил. Да и есть мне совсем не хотелось. Сон мой от возраста стал тоньше. Я теперь спала час или два в сутки. И жалела того времени, что провела без молитвы. Мне незачем стало ухаживать за собой, принимать баню или шить себе новые платья. Да и имение мое мне было не нужно, и я раздавала все, что имела, нищим, куда сама не стала одной из них.

Жизнь проходила мимо меня, я же стремилась к иному – к Царствию Небесному. И для того я не жалела своих уже оскудевающих сил. Моим основным пристанищем стала церковь, я ходила туда каждое утро и вечер. И там все настолько привыкли ко мне, что в одну зиму, когда стоял такой мороз, что домашние не пускали меня из дому, сам священник пришел к нам со словами, что будто Пречистая с иконы ему молвила сходить за мною и увещать, что и домашняя молитва угодна Богу, но не так, как церковная. Эти речи смутили меня. Кто я такая, чтоб иерей за мною приходил, а тем более, чтобы обо мне просила Всесвятая? И я умоляла священника никому не говорить об этом, сама же стала ходить в храм, несмотря на лютый мороз. И ходила, пока бедность не заставили меня переехать в другое село, а болезнь совсем не приковала к постели. Но и тут я не оставляла молитв своих, ибо только они держали меня на этой земле, приближая к Небесному дому.

Были в моей жизни и иные чудеса, но о них я умолчу, Господи, чтобы не смущать свою душу перед ее преставлением. Только возблагодарю Тебя, что Ты не оставлял меня, посылая мне угодников Своих для помощи и вразумления меня, грешной.

Тело мое отказывает более служить мне, но боль умирающей плоти – это тоже дар Твой, который учит меня смирению. Я знаю, что скоро предстану пред Тобою. И нечем мне оправдать себя. Всю свою земную жизнь я была слабой и часто делала не то, к чему стремилось мое сердце, а то, чего ждали от меня другие люди. И потому, Господи, я печалюсь, что слишком мало послужила Тебе. И об этом одном воздыхаю.

Завтра придет мой последний час. Я позвала к себе священника церкви Лазаревской, отца Афанасия, чтобы напоследок очистить душу покаянием и причаститься Тела и Крови Твоей – в напутствие души перед ее исходом из этого бренного мира. Я созову всех моих детей и еще раз взгляну на них, чтобы потом ждать их уже на небе.

Я благодарю Тебя за все, Господи. Прости меня, недостойную, и прими как дочь Свою рабу Иулианию.

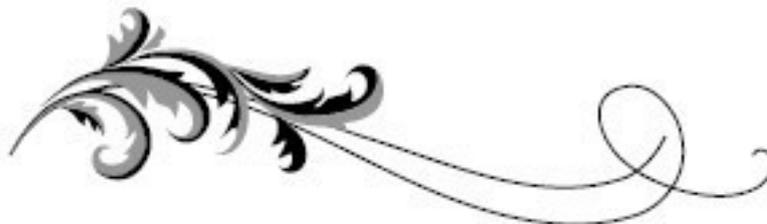
Эпилог

Из записей сына Иулиании Калистрата

Января во второй день, на рассвете, призвала Иулиания отца своего духовного Афанасия иерея и причастилась Животворящих Таин тела и крови Христа Бога нашего. И села на одре своем, и призвала детей своих, и слуг, и всех живущих в том селе, и поучала их о любви, и о молитве, и о милостыне, и о прочих добродетелях. И так прибавляла: «Желанием

возжелала великого ангельского образа еще с юности моей, но не сподобилась из-за грехов моих и нищеты, ибо недостойна была, грешница и убогая. Бог так изволил, но слава праведному суду Его». И повелела уготовить кадило и фимиам вложить и, поцеловав всех бывших там, всем мир и прощение дав, возлегла и перекрестилась трижды, обвив четки вокруг руки своей, и последнее слово сказала: «Слава Богу всех ради. В руке Твои, Господи, предаю дух мой. Аминь». И предала Душу свою в руке Божии, Его же с младенчества возлюбила. И все видели в тот час на главе ее венец злат и убрус бел. И так, омыв ее, положили в клеть, и в ту ночь видели там свечу горящую, и наполнился весь дом благоуханием. И в ту ночь одной из служанок ее было видение и повелело отвезти ее в пределы Муромские и положить у церкви святого Лазаря, друга Божия, возле мужа ее. И, положив святое и многотрудное тело ее во гроб дубовый, отвезли в пределы Муромские и погребли у церкви святого Лазаря, в селе Лазаревском, в лето 7112 (1604) января в десятый день.

Данная повесть основана на житии святой праведной Юлиании Лазаревской, составленном ее сыном Калистратом после кончины блаженной. Но сама эта повесть не является житием, а скорее личным авторским видением и осмыслением жизни святой.

Слепая страсть Повесть о святой Мастридии Александрийской

В первые он увидел ее на одной из улочек города.

Она была одета в неприметный черный плат, и его широкие полы почти полностью закрывали ее лицо. Не слишком высокая. Не слишком низкая.

Кажется, она ничем не выделялась из толпы. Однако он заметил ее.

Заметил ее узкие белые руки, прячущиеся в складках плата. Ее по-особому прямые плечи. Ее парящую походку. Легкую, тихую, словно ее ступни вовсе не касались земли.

Он долго стоял посередине улицы, провожая незнакомку взглядом.

Через несколько дней он снова ее встретил. На этот раз на площади возле собора. Она выходила из церкви и остановилась. Должно быть, чтоб перекреститься. Когда она подняла вверх голову, плат спустился на плечи.

Быстрым движением она поправила его, пряча лицо в мягкие ткани, но юноша успел разглядеть, что кожа у нее – как фарфор – бледна и прозрачна. А глаза – словно звезды. Две яркие звезды.

Ему захотелось подойти к ней, он даже сделал первый шаг, но в этот момент кто-то ее окликнул. Это оказался старый священник. Ласково улыбаясь, иерей начал ей что-то говорить, и они неспешно двинулись по улице. За ними плелась пожилая старушка в холщовой накидке. Должно быть, ее служанка.

«Странная девушка, – подумал он. – Странная».

И весь день мысль о ней не покидала его.

На следующее утро он поднимался по ступеням храма. Он давно не заходил в церковь. И сейчас благолепие церковного убранства смутило его. Испугала строгость иконных ликов. Сосредоточенность молящихся. Величие служащего архиерея.

Ему невольно захотелось убежать, спрятаться, но он, пересиливая себя, прошел внутрь.

Шла утренняя. Густой плотный дым от ладана стоял в воздухе.

Ее нигде не было.

«Господи, благодарю Тебя за эту тишину», – после службы она никогда сразу не уходила домой. Она любила сесть в уголке и остаться наедине со своими мыслями. Еще раз пережить совершившееся богослужение, возблагодарить Бога за Его дары, почувствовать всю полноту Его присутствия.

В храме мальчик, прислужник, гасил свечи. Его быстрые шаги гулко отдавались от мраморного пола. Не поднимая глаз, она могла сказать, что только что он затушил лампаду у иконы Матери Божией. А сейчас идет к левому паникадилу.

После службы она никогда сразу не уходила домой. Она любила сесть в уголке и остаться наедине со своими мыслями. Ее пальцы перебирали узелки четок

Ее пальцы перебирали шерстяные узелки четок. Она молилась:

«Благодарю Тебя, Господи, за то, что каждая минута моя наполнена Тобой, что Ты не оставляешь меня, Христе мой. И что я плыву по житейскому морю, и ни одна волна не тревожит меня...»

Она закрыла глаза и долго-долго сидела так, повторяя про себя имя Божие.

– Госпожа, – затеребила ее рукав верная Бонита. – Пора идти.

Она покорно встала. Распрямила плечи. Холодные пальцы едва коснулись лба, живота, плеч, сотворив крестное знамение. Она сделала земной поклон. Спокойная. Уверенная.

Ее день был прост. Ее мысли чисты. Ее движения неторопливы.

Поджидавшая ее у дверей Бонита протянула своей госпоже вышитый кошель – для подавания нищим и нуждающимся. Всю службу кошель провел на груди у старой служанки и оттого оказался теплым.

Мастридия улыбнулась уголками своим губ, накинула на лицо плат, и вместе с Бонитой они вышли на улицу.

Белый свет нового дня неожиданно больно ударил в глаза, за несколько часов богослужения привыкшие к полутьме храма.

Небо – синее и ясное – простиралось над Александрией.

– Тишь какая! – промолвила служанка. И вдруг добавила: – Должно быть, к грозе.

Тут только Мастридия увидела легкие желтые пятна на чистом небосводе. Они, словно первые признаки гниения, испугали душу. Видимость была еще тиха и прекрасна. Но внутри уже зародилась неотвратимость беды.

О, Александрия знала и не таких грешников!

Да и разве он – грешен? Порочен? Он просто молод. А молодость дана человеку для того, чтобы наслаждаться ею, разве нет?

Почему он должен стыдиться того, что приносит ему радость? Какой смысл изводить себя всякой философией и моралью, если мы живем один раз? Отчего он должен запретить себя, оковать, бороться и обуздывать собственную плоть, свои желания, стремления, порывы? Ради какой цели?

Вопросы вихрем пронеслись в его голове, озлобляя его, не давая услышать ни слова из молитв и псалмопений.

Зачем он вообще здесь, в этом храме? В храме, со стен которого на него пристально смотрят лики святых. Вопрошая, усовещивая, укоряя его.

Бред. Всего лишь мертвые картинки! – успокаивал он себя и снова злился: – Да разве эти изображения – не те же идолы, только в другом виде? И эти люди, что здесь молятся, разве они хоть сколько-нибудь отличаются от него, когда переступают порог своего храма?

Так же грешат, совершают те же преступления, точно так же оправдывают себя. А потом приходят в этот храм. И долго молятся! Отмаливают грехи, видно. Лицемеры.

Он привык жить по своим хотениям. И здесь, в этом храме, среди икон, ладана и зажженных свечей, он невольно вспоминал все то, что он не привык помнить. Что отбрасывал от себя как сор. Как лишнюю одежду. Как старую кожу. Воспоминания, угрызения совести, давние наказания верующей матери. Здесь, в храме, они ожили и терзали его.

Тяжесть навалилась на него, не давая вздохнуть. Лоб покрылся испариной.

«Как здесь душно!» – подумал он и повернулся к выходу.

На улице мгновенно стало легче. Он спустился со ступеней и сел на землю, возле цветущего дерева.

Недалеко расположились нищие, калеки, бездомные люди – эти горемыки огромного города. От нечего делать он стал рассматривать их, размышляя о встреченной накануне незнакомке.

«Интересно, кто она? Давно ли живет в Александрии? Чем занимается? Замужем ли она? Вряд ли. Скорее – дева». – Мысли его становились конкретнее и четче. Он разрабатывал стратегию наступления: – «Дева... Это неплохо. Хотя и представляет определенную трудность. Вдобавок – дева верующая. Это намного хуже. Придется строить из себя праведника или, по крайней мере, зачистить в храм. Но, судя по одежке, она бедна. Что, впрочем, хорошо. Бедную девушку намного проще расположить к себе».

Недалеко расположились нищие, калеки, бездомные люди – эти горемыки огромного города

Он прокручивал в голове разные планы обольщения незнакомки, как вдруг увидел ее. Это без сомнения была она. Тот же плат, те же плечи, та же маленькая белая ладонь.

Девушка наклонилась над безногим стариком и что-то ему протянула. Старик радостно замотал головой, наверное, отвечая ей. Девушка кивнула и направилась дальше, к следующему страдальцу.

Он забыл про все на свете. Про свои планы, коварство, грехи. Он просто смотрел на нее и видел ее нежность, ее чистоту, ее хрупкость и беззащитность. То, на что он никогда не обращал внимания в женщинах, он видел сейчас в этой девушке. И трепетал.

В тот день он не посмел приблизиться к ней.

Мысль посвятить себя Христу пришла в ее сердце не внезапно. Она взрастила ее в себе любовью к богослужениям, размеренной жизнью и молитвой. И потому, когда в один год она потеряла обоих родителей, Матридия спокойно поняла – пришло ее время дать обет. Обет девства и нестяжания.

Собственно, это решение почти ничего не изменило в ходе жизни девушки. Она так же рано вставала с одра, так же ежедневно шла на службу в ближайший храм, так же днем занималась рукоделием, а по ночам молилась. Разве что она усугубила пост. Но в этом не было особого подвига, она привыкла к скудной пище. Да еще она почти перестала разговаривать. Только с Бонитой перекинется одним-двумя словами. И то не для своей нужды, а потому что чувствовала, что старенькой служанке, взрастившей ее с младенчества, тяжело дается ее замкнутость.

Итак, Матридия.

«Необычное имя. Означает “наследующая”. Мас-три-ди-я. Похоже на дикий белый цветок. Как она сама».

Выведать, как ее зовут, не составило ему особого труда. Достаточно было спросить у того безногого нищего, обитавшего возле храма.

«Вероятно, несмотря на свой скромный плащ, она довольно богата, если позволяет себе такую роскошь, как ежедневная милостыня», – решил он.

Он выведал, как часто она приходит на богослужения, какой дорогой идет домой и даже в каком доме живет. Это было несложно и заняло у него всего лишь несколько часов.

Гораздо сложнее теперь было подойти к ней и начать разговор. Он был смел, развязен, бодр, но при одном ее появлении робость охватывала его.

И оттого поначалу он лишь наблюдал за ней. А наблюдая, узнавал ее привычки и особенности. Так, он скоро понял, что в храме ее излюбленное место – за колонной с левой стороны. (Оттого в свое первое посещение он и не заметил ее!) За богослужением она остается в черном платке, туго обхватывающем голову. Он ни разу не видел ее волос (какого они цвета?) Когда она слушает кого-то, она немного наклоняет голову вбок. У нее очень красивые большие глаза, но она никогда не поднимает их, и почти никогда не говорит.

«Госпожа, это – вам!» – краснея, Бонита протянула ей белый свиток, перевязанный алой лентой.

В храме читали псалмы.

«Что это?» – удивилась девушка, медля брать свиток в руки.

«Это от того господина у иконы Спасителя!» – тихо ответила Бонита.

Матридия подняла глаза и увидела высокого бледного юношу. Его взгляд пылал. Она быстро опустила взор и вздрогнула, как будто обожглась.

«Отдай письмо обратно, – сказала она твердо и так же твердо перекрестилась. – И впредь никогда не бери ничего от незнакомых нам лиц».

Когда они шли домой, Бонита виновато лепетала:

«Простите, госпожа, я давно его заметила. Вы... Он...»

Мастридия резко остановилась и посмотрела на служанку.

Доброе лицо женщины покорно сникло под строгостью взгляда. Бонита замолчала. Ее щеки пылали, а на глаза навернулись слезы.

«Господи, прости меня, грешную!» – зашептала старушка, когда они продолжили ход.

Молча они подошли к знакомой двери с серебряным колокольчиком. Служанка открыла госпоже дверь, но тут юбка Бониты зацепилась за старый куст терна, росший возле их дома. Она освободила юбку и огляделась. И вдруг увидела его.

Взгляд, брошенный Мастридией в церкви, пронзил его. Да, в этом взоре не было ответного чувства, не было даже признательности или женского любопытства. В нем были твердость и боль. Странные, несовместимые составляющие. Твердость и боль.

Никогда раньше он не встречал подобных глаз, такого взгляда. Такой высоты.

А она даже не открыла письма. Даже в руки свои не взяла! Не пожалела его. Не испугалась.

Странная, непостижимая девушка.

Он понимал, что его страсть перерастает в нечто иное. Усугубляется. Довлеет над ним.

Но он не боролся с нею. В терзаниях, которые приносили ему приступы темной страсти, он находил некое удовлетворение. Как находит удовлетворение скорпион, откусывая себе хвост.

Да, Мастридия казалась ему святой. Святой, чистой, строгой. Но чем чище она представлялась ему, тем острее было желание обладать ею. Подчинить ее себе. Всегда иметь ее рядом. У своих ног.

Сегодня он, как прежде, проследовал за ними до дома. Глупая служанка заметила его. Это было ему даже на руку. Теперь ему нечего скрывать. Не надо прятаться.

Хотя бы измором, но он добьется своего.

* * *

На белом пальце показалась красная капля крови. Снова укололась.

Мастридия отложила челнок в сторону и в бессилии упала на свои руки.

Что-то случилось. Ее мир, спокойный и незыблемый мир, рушился, расплзался, исчез. Господи, что же это?

Уже несколько дней подряд она не выходила из дома. Не посещала богослужения в храме, даже не выглядывала в окно.

Она почти перестала есть и спать.

И это рукоделие, которое позволяло ей давать щедрую милостыню беднякам, не сдвинулось с места. Ткань выходила неровной, выдавая ее тревогу, девушке приходилось то и дело распускать нити и ткать заново. Она исколола себе все пальцы, искусала губы, на ее лбу уже образовалась розовая выемка от частного крестного знамения. Лучше не становилось.

И сейчас, откинувшись на руки и закрыв глаза, она почувствовала свою усталость.

Тот мужчина... Юноша. Сначала он просто следил за ней. Затем стал неотступно следовать. После стал пытаться заговорить с нею. И когда это не получилось, он просто шел рядом и говорил сам.

Она не слушала его, она молилась, перебирала свои четки, взывала к Богу, но слова проникали в нее. И после подобных встреч она долго не могла избавиться от этих назойливых фраз.

Ее сердце, некогда холодное, уверенное сердце дрогнуло. И теперь она вопрошала себя – было ли новое чувство ответной влюбленностью, или – жалость и недоумение овладели ей?

А может быть – это чувство вины? Но перед кем? Перед Богом! Если она пленила мужчину, хотя бы и невольню, как она могла носить имя «невесты Христовой»? Если ее внешность, ее плоть соблазняет кого-то, как может она спокойно обращаться к Богу и считать себя целомудренной девой?

Мастридия подняла голову, села, окинув взглядом комнату. Измученная, опустошенная.

Надо что-то делать. Надо положить этому конец.

Но как?

Тот человек, он как будто ослеп от своей страсти. Он ничего не понимал и не хотел понимать. Словно был прельщенным. Одержимым.

Мастридия выпрямилась. Именно – одержимым!

А одержимость – это почти болезнь. Он сам не совладеет собой.

Что же она?

Задумалась.

Его одержимость пугает... но пойми же, Мастридия, эта страсть и влечет тебя. Искры греха, разлетаясь, могут поджечь. А потом – огонь выжжет, испепелит, ветром разнесет пепел.

И не будет Мастридии...

Решимость появилась на ее тонком лице.

«Бонита! – позвала девушка. – Бонита, прошу тебя, позови этого господина ко мне!»

* * *

«В этом нет ничего страшного. Нет никакого греха, если я постою здесь! – думала Бонита. – Я ей почти как мать. Да, именно! Сейчас я заменяю ей мать».

Сердце громко билось в груди у этой седой, немного неповоротливой женщины. Она любила свою госпожу, свою маленькую Масю, как она ее называла, когда той было пять лет.

Сколько же времени пошло с тех пор. Мася выросла...

Будучи мудрой служанкой, Бонита обычно не показывала своих чувств, и никто, кроме старого священника и самого Бога, не знал, как она переживала за свою госпожу. Со смертью родителей девушка совсем замкнулась, бедная. Стала жить как какая-то затворница, прячась от людей в этом шумном городе. А ведь она – красавица!

Что греха таить, когда появился этот юноша, Бонита даже обрадовалась. В ней вспыхнула надежда увидеть Мастридию женой, матерью, понынчиться еще с малышами. Как же она, Бонита, любила малых деток! Таких сладких, таких непосредственных!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.